

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Васильев

Общественное историческое
сознание и историческое
понимание в отношении
российского крестьянства:
феномен забвения

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vasilyev_sozn.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ
В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА:
ФЕНОМЕН ЗАБВЕНИЯ**

С понятием «народ» непосредственно связано определение крестьянства как основной его части, самой значительной социальной группы (как известно, до 1917 г. крестьянство составляло 80% населения России). Что нас сегодня заставляет осознавать прошлое, искать ответы на вопросы: что происходило с российским народом (крестьянством) в тот или иной период отечественной истории? Почему нас захватывает проблема собственного прошлого? Вероятно, речь может идти об измерении исторического сознания или исторического понимания, благодаря которому нам становится известно о существовании прошлого, частью которого мы себя осознаем сегодня. Благодаря историческому сознанию, познанию исторического опыта прошлое становится реальностью, в определенной степени прошлое осознается частью нас самих.

В историческом сознании российского общества существует феномен забвения. В прошлом российского крестьянства есть немало обыденных событий в повседневной жизни, которые можно забыть, поскольку они никак не связаны с настоящей или будущей идентичностью. Однако даже специалисты иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов. История побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали внимания.

Теоретический спор о преимуществах и достоинствах форм аграрного хозяйствования (о чем до сих пор дискутируют) давно решен представителями организационно—производственной научной школы. А. В. Чаянов и его школа конструктивно разрешили предмет дискуссии о перспективах земледелия и будущей судьбе крестьянства. Принимаются ли в расчет научные рекомендации этой школы на родине? Далеко не всегда, к сожалению, в отличие от Запада, где чаяновские идеи нашли широкое применение на практике в послевоенные десятилетия. Несомненно, использование разработок российской научной школы послужило бы созидательной основой в организации товарного аграрного производства в современной России.

В чаяновском анализе различных видов хозяйств деятельность трудовых крестьянских хозяйств управляется прежде всего внутренним регулятором, обусловленным соизмерением трудовых затрат с получаемым материальным результатом, причем по-иному, чем на капиталистическом предприятии. В этом кроется причина устойчивости крестьянских хозяйств в условиях экономических невзгод. Для объяснения внутривозрастных процессов и установления природы мотивации хозяйственной деятельности крестьянской семьи применялась теория потребительского баланса. Анализ мотивации хозяйственной деятельности объясняет причину, по которой в земледелии количественное выражение преимущества крупных форм хозяйствования оказывается незначительным. Существуют объективные пределы в укрупнении сельскохозяйственных предприятий, которые зависят от конкретных экономических, социальных, исторических, технических особенностей и условий¹.

Теория дифференциальных оптимумов Чаянова показала, что в сельскохозяйственном производстве все явления и процессы имеют свои оптимальные размеры, обеспечивается соответствие между размерами земельной площади, количеством применяемой техники, количеством

работников. В результате в каждой отрасли или регионе товарные хозяйства имеют свою оптимальную структуру и размеры на разных стадиях технологического развития. Оптимальный размер земельного хозяйства вовсе не соответствует оптимальному размеру перерабатывающего аграрного предприятия. Оптимум заложен там, где при прочих равных условиях себестоимость продукции наименьшая. Он зависит от природных, географических условий, от производственного направления хозяйства и других объективных факторов. Найти оптимум — значит найти точку минимальных издержек на единицу продукции. Разработанная Чаяновым методика его определения строго научна. Чаяновская схема концентрации хозяйственной деятельности в аграрной сфере основана на утверждении: укрупнение хозяйственных форм в земледелии имеет пределы, оставляющие значительный объем деятельности крестьянскому хозяйству.

Забвение в истории может проявляться, когда есть основания забыть о тех или иных сторонах прошлого: например, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включить их в наше коллективное сознание. Отмечается нередко парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О последнем забывают, поскольку его стараются вытеснить из сознательной памяти. Однако о нем помнят, поскольку субъект травматического опыта оставил слишком серьезные духовные раны. Травматический опыт приспособливается к идентичности, как и новая идентичность приспособливается к травматическому опыту. В такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, создающее условия для их продолжительного сосуществования.

Травматический исторический опыт Гражданской войны 1918—1922 гг. служит восприятию исторического сознания. Травматический опыт проявился прежде всего в изменении идентичности российской нации и народа. Идентичность нации, народа имеет глубокие корни в их

прошлом, поэтому, если мы хотим постичь их идентичность, следует прежде всего обратиться к их истории. Именно история предоставит доступ к пониманию собственной идентичности. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем отчетливее станут контуры идентичности и тем более адекватными станут индивидуальные и коллективные действия в российском обществе.

Примером может служить выяснение причинно-следственных отношений политики военного коммунизма и Гражданской войны в России: именно политика военного коммунизма воспроизводила протестные явления на всей территории страны. В период создания различных мифологем формировалось обличительное восприятие крестьянских протестных явлений в общественном мнении: так появились «антоновщина», «махновщина», «мироновщина», «сапожковщина», «серовщина» и др. (в закавыченном виде). Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого (причем без всяких кавычек).

Марксистский социализм предполагал уничтожение различия между рабочим и крестьянином — требовалось сделать всех работниками. В применении к крестьянской России реализация марксистской установки виделась В. И. Ленину в разграничении крестьянина трудящегося от крестьянина собственника — этим разделением определялась суть социализма². Путь уничтожения собственника подсказал опыт капитализма: К. Маркс детально объяснил механизм отделения производителя от средств производства на основе экспроприации земледельцев. Экспроприация крестьян в России началась с фактической национализации земли в 1918 г. (напрашивается сравнение с анализом эволюции капитализма Марксом: В России не было необходимости изгонять крестьян с земли, как это было в Англии и в других странах Европы). С последующим развитием пролетарской революции в деревне (по схеме Ленина) экспроприация

распространялась на орудия труда. Ленин предупреждал: в процессе развития пролетарской революции в деревне нельзя полностью экспроприировать собственность богатого крестьянина (в данном случае имелся в виду экономический момент). Предлагалось его ограничивать, вытеснять всеми доступными методами (здесь речь шла о политическом подходе). Но из-за нестыковки экономического и политического факторов непонятен пограничный предел экспроприации — ведь ее объектом являлся классовый враг пролетариата и полупролетариата — кулак, представитель деревенской буржуазии. Вероятно, особенно непонятно это было для тех, кто активно занимался экспроприацией на практике, занимаясь реализацией политики военного коммунизма.

В советской России на практике применили метод ликвидации собственника, с глубокой иронией выраженный Марксом — в адрес капитализма: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к полям!»³.

Ленин рассматривал класс мелких земледельцев как последний капиталистический класс, который, однако, нельзя экспроприировать или «прогнать», как помещиков — потребуются долгий и постепенный переход к крупному обобществленному машинному земледелию⁴. В августе 1919 г. он написал: социализм есть уничтожение крестьянства как класса — крестьянин становится работником⁵.

Десятилетие спустя И. В. Сталин, позиционируя себя уже в качестве главного партийного идеолога, дал «правильную» трактовку ленинской позиции. Сталинское обоснование сводилось к ответу на два вопроса. Вопрос первый: верно ли положение Ленина: крестьянство есть последний капиталистический класс? Безусловно. Крестьянство — класс, хозяйство которого основано на частной собственности и мелком товарном производстве.

Поэтому крестьянство выделяет из своей среды капиталистов «постоянно и непрерывно»⁶. Вопрос второй: как совместить идею союза рабочих и крестьян с положением Ленина о том, что крестьянство является последним капиталистическим классом? По Ленину, крестьянство дифференцировано, поэтому политика строится с опорой на бедноту, союз с середняком, борьбу с кулаком. Таким образом, по заключению Сталина, противоречие между двумя формулами Ленина — мнимое, кажущееся противоречие, на самом деле нет никакого противоречия⁷. Какова перспектива крестьянства по Сталину? Вполне в русле коммунистической доктрины: рабочий класс, как руководящая сила союза с крестьянством, должен «переделать» постепенно крестьянство — его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить, таким образом, условия для уничтожения классов⁸.

Вхождение в новый мир в России после 1917 г. означало отказ от прежнего мира. Забвение явилось условием обретения новой идентичности. Подобные исторические преобразования всегда сопровождаются в крестьянстве ощущениями тяжелой и невосполнимой потери и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта часто оказываются гораздо более драматичными: например, в новой реальности революции и Гражданской войны в России люди теряли себя, безвозвратно утрачивалась прежняя идентичность и на смену ей приходила новая историческая и культурная идентичность. Социальную травму подобного рода социальная группа (общество, народ, крестьянство) будет всегда носить с собой после того, как исторический процесс заставил ее столкнуться с ней. Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности — и именно в этом заключается ее главное содержание.

Западноевропейский марксизм в конце XIX в. выдвигал требование нейтрализации крестьянства в период перехода от капитализма к социализму (этот подход сформулировал К. Каутский еще в тот период, когда считался выразителем и пропагандистом «правильного» марксизма): нейтральность крестьянства в борьбе пролетариата с буржуазией обосновывалась необходимостью недопущения крестьянской «Вандеи». «Нейтрализация» крестьянства означала политику, направленную на то, чтобы сформировать в крестьянстве общественный слой, по крайней мере, не мешающий революции пролетариата, нейтральный, не становящийся на сторону его врагов. В данном контексте еще одна идея марксизма была воспринята и использована Лениным на практике: теоретический тезис Энгельса о возможности союза со средним крестьянством⁹.

Диктатура пролетариата, рассматривавшаяся как форма перехода от капитализма к социализму, предполагала, по Ленину, условие: она допустима, когда пролетариат составляет большинство населения¹⁰. В отличие от индустриально развитых капиталистических стран Запада, где крестьянство занимало незначительную долю в структуре населения, Россия являлась аграрной страной с 4/5 ее крестьянского населения. Ленин нашел, как ему представлялось, выход из подобной теоретической коллизии. Беднейшее крестьянство получило статус «полупролетариев» (в ленинском лексиконе в первые годы Советской власти использовались термины—синонимы «беднейшее крестьянство или полупролетарии»). Под полупролетариями понимались те, кто существовал исключительно или не менее чем на половину продажей своей рабочей силы. В политическом контексте полупролетариат определялся как «все эксплуатируемые и трудящиеся»¹¹.

По расчетам Ленина, осенью 1919 г. общественная структура включала в себя: 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии (в том числе: 30% — бедных крестьян, 30% —

средних, 15% — богатых), 5% капиталистов. Из этих данных выводилось требуемое «большинство» по Ленину: 20% (пролетариат) + 30% (беднота, то есть «полупролетарии») + дополнительно 15,5% (вероятно, сторонников или сочувствующих из состава категории средних крестьян). Вот в таком арифметическом раскладе Ленин усматривал, по его словам, новое и существенное, в противовес оппонентам, которые, по ленинской терминологии, «жуют зады» о «пролетариате» вообще. Пролетариата «вообще», утверждал Ленин, в действительности не существует, есть реальный показатель в конкретной ситуации: по ленинской логике, сила 51% пролетариата (то есть большинство арифметическое) на практике может оказаться слабее коллективной мощи 20% пролетариата (при поддержке полупролетариев и сочувствующих), если 51% пролетариата окажется подвержен буржуазному влиянию¹². Чтобы этого не допустить, марксистская формула «нейтрализации крестьянства» получила применение в России в виде политики «соглашения со средним крестьянством»¹³.

Таким образом, диктатура пролетариата при поддержке полупролетариата (беднейшего крестьянства), по ленинской схеме, имела основание для начала созидания основы коммунистического общества¹⁴. Теоретический компромисс с марксизмом был найден. В ленинском расчете не принималось во внимание, что 20% пролетариата, зачисленные без оговорок в основу «большинства», сами по себе являлись достаточно разнородной массой, далекой от единого сознательного (социалистического) класса. Неверно было зачислять всех рабочих в опору диктатуры пролетариата. В данном вопросе Ленин поторопился. Примером тому может служить Ижевско-Воткинское восстание 7 августа — 14 ноября 1918 г. — вооруженное выступление против большевистской власти той самой ленинской «опоры» — представителей лучшей и наиболее образованной и квалифицированной части рабочего класса. «Полупролетариев» тем более нельзя было безоговорочно зачислять в опору диктатуры пролетариата: показательным

примером может служить Нестор Махно, типичный выходец из среды этого самого полупролетариата — сельскохозяйственных рабочих.

Ленинский идеологический миф об опоре диктатуры пролетариата в лице рабочих и крестьянской бедноты в качестве «полупролетариата» был опровергнут восстаниями крестьян, совпавшими с празднованием первой годовщины пролетарской революции. В этой связи показательно крестьянское восстание в селе Кучки и волостях Пензенской губернии в августе 1918 г. Оно вызвало серьезную озабоченность и озадачило Ленина. Волна крестьянских восстаний в то время только набирала свою силу: трудно себе представить, чтобы о каждом рядовом восстании в последующие годы телеграфировалось председателю Совнаркома лично: завалили бы телеграммами. Активное участие в восстаниях «полупролетариата», по Ленину, вероятно, сильно озадачило большевистского вождя, поскольку разрушало его собственное доказательство и обоснование существования в Советской России социальной опоры диктатуры пролетариата. Вероятно, именно это обстоятельство объясняет столь заинтересованное внимание Ленина к данному событию, его требования в кратчайшие сроки задушить крестьянские волнения, попытка объяснить причины выступлений против политики власти кулацкими происками. Восстание в селе Кучки для Ленина не было рядовым событием. Иначе нельзя объяснить, почему руководитель государства, вопреки всем законам управления, лично занимался решением локального местного вопроса.

С точки зрения западных социалистов, крестьяне, за исключением безземельных батраков, составляли часть «буржуазии» и являлись, как таковые, классовым врагом пролетариата. Однако в отношении большинства российских крестьян термин «мелкая буржуазия» не соответствовал реалиям мелкого крестьянского хозяйствования: основная деятельность крестьянских хозяйств (в отличие от западного «мелкого буржуа») не ориентировалась на рынок.

Отношение большевиков к мелкобуржуазным собственникам определялось как отношение войны, в результате которой мелкий собственник должен быть уничтожен. Это положение составляло основу диктатуры пролетариата. Казуистика проявилась в следующем ленинском тезисе: когда крестьянин выступает собственником, имеющим излишки хлеба, не необходимые ему для хозяйства, — крестьянин есть враг, с которым надо было бороться со всей решимостью и беспощадностью¹⁵. Ленину, должно быть, была известна экономическая теория потребительского баланса в крестьянском хозяйствовании А. В. Чайнова, разработанная еще до революции — в соответствии с данной теорией «не необходимых» в крестьянском хозяйстве излишков хлеба или другой продукции *arguē* просто не могло быть в природе.

Большевиков вдохновляла известная оценка Маркса по поводу привычки русского крестьянина к артельным отношениям, которая облегчала ему переход от парцеллярного хозяйства к коллективному. Однако сам Маркс при этом оговаривал два условия подобной замены: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления¹⁶.

Еще одно марксистское положение оказалось применимо к российской действительности: деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное (Энгельс сделал такую дифференциацию на основе анализа крестьянского вопроса во Франции и Германии). В отношении к крупному крестьянству западноевропейские марксисты допускали насилие (но не всегда!). Насилия в отношении среднего крестьянства никто из марксистов не требовал. Теоретическую посылку марксизма о делении крестьянства на три группы Ленин трансформировал в политическую плоскость, обосновывая неизбежность, по его словам, гражданской войны с кулаками. В Советской России кулак был объявлен открытым врагом, против которого можно использовать одно оружие — насилие. С этой целью была

сформулирована задача: расколоть деревню, разжечь гражданскую войну в деревне¹⁷.

В августе 1918 г. в России, по данным, которыми оперировал Ленин, существовало около 15 млн крестьянских хозяйств: из них около 10 млн бедноты (около 67%), около 3 млн среднего крестьянства (20% крестьянства), не более 2 млн зажиточных (примерно 13%)¹⁸. В данном случае, вероятно, Ленин не учел динамики в структуре крестьянства, которая произошла в ходе революции в результате «осередничивания» деревни, соответственно, сокращения доли как бедных, так и богатых крестьян. Приведенный уровень доли бедноты — 2/3 всего крестьянства (одновременно заниженная доля середняка) — могли служить для политической иллюстрации широты социальной опоры пролетариата в деревне (или многочисленности «полупролетариата»), но никак не статистическими показателями. Одновременно — оправданием ленинской политической тактики на конкретном этапе — в этот период «соглашения» с крестьянством (или «нейтрализации», по марксизму). В марте 1919 г. тактика поменялась на «союз» со средним крестьянством, с этого времени данная группа стала называться «многочисленным и сильным», «многомиллионным» слоем¹⁹.

Из приведенных выше ленинских данных о структуре общества (в октябре 1919 г. оно состояло из 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии (в том числе: 30% — бедных крестьян, 30% — средних, 15% — богатых), 5% капиталистов) несложно вывести пропорции по трем группам внутри крестьянского населения: получится 40% бедноты, 40% среднего и 20% богатого крестьянства (соотношение 4:4:2).

Однако в декабре 1919 г. Ленин приводил и такие данные по России: на 50 млн населения приходилось 20 млн бедных крестьян (40% всего населения России), 15 млн средних крестьян (30%), 4 млн богатых крестьян (8%)²⁰. Если подсчитать процентное соотношение внутри 39 млн

крестьянства, получится следующее распределение: к бедным крестьянам относилось 51,3% крестьян, к средним — 38,5%, к богатым — 10,2%. В показателях с временной разницей в один месяц доля средних крестьян сократилась незначительно, доля бедноты увеличилась более чем на 11%, доля богатого крестьянства соответственно сократилась вдвое. Разночтения в приведенных показателях, конечно, могут быть объяснены ссылками на неточности в статистических подсчетах (статистики в условиях Гражданской войны не было), однако эти данные могут быть истолкованы как проявление определенной тенденции, соответствующей текущим конъюнктурным политическим установкам.

Критерий для определения кулака никогда не был разработан в советской истории (ни социальном плане, ни в экономическом) — ни в годы «военного коммунизма», ни в период нэпа, ни в эпоху сталинского «великого перелома» — вплоть до объявления Сталиным о ликвидации кулачества как класса в ходе массовой насильственной коллективизации начала 1930-х гг. Сталин использовал определение кулака, данное Лениным. Председатель советского правительства А. И. Рыков вообще считал спор о «кулаке» и «хозяйственном мужике» беспредметным, поскольку точную грань здесь провести невозможно²¹.

Определение Ленина сводилось к формулировке: кулак — тот, кто живет чужим трудом, грабит чужой труд и использует в своих интересах условия нужды. Средний же крестьянин — тот, кто не эксплуатирует и сам не подвергается эксплуатации, живет мелким хозяйством, своим трудом. Таким образом, отличие заключалось в вопросе об эксплуатации чужого труда²². Провести разграничение по данному критерию на практике далеко не всегда реально, учитывая особенности крестьянского хозяйствования в России. Отношения, возникавшие внутри крестьянского сообщества, в большей степени характеризовали тип отношений экономической зависимости, нежели эксплуатации. Например,

нуждающийся крестьянин, получив у более обеспеченного соседа ссуду зерном в трудное время перед урожаем, мог по собственной инициативе наняться к последнему для отработки долга. Во времена невзгод крестьянину не к кому было обратиться, кроме как к зажиточному односельчанину.

Неопределенность социального статуса порождала произвол. Даже Ленин, настроенный непримиримо к кулакам, предупреждал: зажиточный крестьянин может быть не «кабальщиком» (то есть не эксплуататором)²³. Определяя, кто был представителем «буржуазии» в деревне, руководствовались признаками политическими, а не экономическими. Создание мифа о многочисленном и сильном классе «кулаков» имело политическую подоплеку.

Обложение крестьянства основывалось на разделении по группам: богатое крестьянство, как требовал Ленин, подлежало обложению «сильному», среднее крестьянство — «мягкому», бедное не облагалось. При этом требовалось процент бедноты «подогнать не менее 40%», среднее не менее 20%²⁴. Опять же в данном случае Ленин ориентировался на пресловутое классовое «большинство» «полупролетариев». «Сильному» обложению, таким образом, подлежали оставшиеся 40%, то есть не только зажиточные крестьяне, но и практически половина среднего крестьянства.

Механизм машины «военного коммунизма» по сути своей работал на собственную самоликвидацию. Власть объявила: кулак — враг, которого необходимо уничтожить. Кулак уничтожается, его хлеб изымается. Что дальше? Где взять хлеб? Остается середняк, у которого могут быть какие—то излишки. Больше взять хлеб негде. Очередь доходила до середняка. Мог ли после этого середняк считать себя союзником пролетариата, о чем объявила власть на VIII съезде большевистской партии в марте 1919 г.? Тем более в условиях, когда властью объявлен «крестовый поход за хлебом». Крестьянская революция 1917—1918 гг. трансформировалась в крестьянскую войну против политики военного коммунизма. Крестьянская война, начавшись во

второй половине 1918 г., приобрела полномасштабный характер в 1919—1922 гг.

Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в коллективной российской душе. Шрамы оставлены вынужденным отказом от прежней идентичности. Их никогда нельзя будет изгладить полностью, они вызывают в народе длительную и нескончаемую боль, которая известна под названием «боль Прометеев». Благодаря этой боли российская цивилизация постоянно помнит об «утраченных мирах», от которых она была вынуждена отказаться в своей истории. Соппротивление крестьянства политике власти не позволило уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового.

Библиография

---

¹ См.: *Чаянов А. В.* Избранные произведения. М., 1989. С. 181, 184—188, 205, 207, 210, 264, 305.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 277.

³ *Марк К.* наброски ответа на письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т. Т. 6. М., 1987. С. 64, 73.

⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 6, 41.

⁵ Там же. Т. 39. С. 449.

⁶ *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 40.

⁷ Там же. Т. 11. С. 95—97.

⁸ Там же. С. 162.

⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 128—129, 145.

¹⁰ Там же. Т. 39. С. 453.

¹¹ Там же. Т. 36. С. 71; Т. 37. С. 45, 306, 479; Т. 38. С. 411.

¹² Там же. Т. 39. С. 454, 458.

¹³ Там же. Т. 37. С. 45, 479.

¹⁴ Там же. Т. 38. С. 417.

¹⁵ Там же. Т. 39. С. 457; Т. 40. С. 198.

¹⁶ См.: *Маркс К.* Указ. соч. С. 65.

¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 7, 145; Т. 37. С. 179.

¹⁸ Там же. Т. 37. С. 40.

---

¹⁹ Там же. Т. 38. С. 128, 200, 205, 213.

²⁰ Там же. Т. 40. С. 341.

²¹ *Рыков А. И.* Избр. произв. М., 1990. С 406, 407.

²² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 14, 256.

²³ Там же. Т. 37. С. 94.

²⁴ Там же. С. 93.